

Роль судебных экспертов в репрессиях против религиозных меньшинств в Кыргызстане

Indira Aslanova

*Центр религиоведческих исследований, Кыргызско-Российский
Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан
aslanovaindira@gmail.com*

АННОТАЦИЯ: После распада Советского Союза власти постсоветских республик полагались на «экспертов», которые могли объяснить им вероучение и организацию ранее неизвестных им религиозных групп, которые обращались за регистрацией. Позже «эксперты» также сыграли решающую роль в определении того, какие религиозные организации и литературу следует признать «экстремистскими» и запретить. К сожалению, как в России, так и в других постсоветских странах, испытавших влияние российской модели, назначаемые «эксперты» в основной своей массе не являлись религиоведами и находились под сильным влиянием антикультовой литературы. В этой статье основное внимание уделяется ситуации в Кыргызстане и упоминается дело 2021 года о запрете литературы Свидетелей Иеговы, признанной «экстремистской», при этом отмечается, что роль «экспертов» в деле аналогична тому, что происходило в других странах Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебные эксперты в Кыргызстане, эксперты и экстремистские дела в Кыргызстане, Свидетели Иеговы в Кыргызстане, антикультовое движение в России, антикультовое движение в Центральной Азии.

Какую роль играют судебные эксперты в делах, касающихся религиозных меньшинств в Кыргызстане? Хочу уточнить, что речь пойдет не обо всех судебных экспертах, а конкретно о тех, которые занимаются религиоведческой или теологической экспертизой. Мы остановимся на ненадлежащем использовании экспертизы при определении правоспособности или «экстремистского» характера религиозных организаций. Рассмотрим практику проведения подобных экспертиз в Кыргызской Республике, которая во многом

отражает реальность в других странах Центральной Азии, а также инициативы по реформированию и роли непосредственно экспертов.

Религиоведческая экспертиза (или теологическая, поскольку изначально между этими направлениями не проводилось существенного разграничения) получила широкое распространение на постсоветском пространстве после распада СССР и последующих изменений религиозного ландшафта стран. Экспертиза, изначально применявшаяся в Кыргызстане для определения религиозной доктрины организации органом, осуществляющим государственную регистрацию религиозных организаций, позже стала активно применяться для определения «экстремистского» характера религиозных материалов или организаций (Айдарбекова, 2021). После обретения независимости в Кыргызстане сложилась практика проведения двух видов экспертиз. Первая – государственная религиоведческая экспертиза, проводимая Государственной комиссией по делам религий Кыргызской Республики (ГКДР) при регистрации религиозных организаций и выдаче разрешения на ввоз религиозной литературы в страну. Вторая – судебная религиоведческая экспертиза в составе комплексной экспертизы на выявление признаков экстремизма, которая проводится государственной судебно-экспертной службой.

В последнем случае широкое трактование «экстремистской деятельности» в национальном законодательстве, включающее вооруженный захват власти, разжигание ненависти и пропаганду превосходства одной религии над другой, позволило государственным органам «заклеймить» законопослушные организации как экстремистские. К сожалению, религиоведческая экспертиза стала использоваться для обоснования подобных решений.

Анализ судебной практики последних лет показал наличие множественных и системных проблем в определении вида и состава экспертизы, постановке правовых вопросов перед экспертами, выходе за рамки компетенции самих экспертов,

низком качестве экспертных заключений, необоснованной роли экспертизы в суде и др. Однако это не привело к критическому снижению случаев использования экспертизы в суде. Судьи и другие судебные деятели редко проверяют качество экспертизы, если ее заключения содержат желаемые положения; альтернативные и, возможно, более авторитетные мнения экспертов часто игнорируются.

В рамках государственной религиоведческой экспертизы широкую практику получило определение религиозного характера организаций, как это было, к примеру с Церковью Саентологии и движением «Тенирчилик» (или «Кыргызское тенгрианство»: см. Жапаралиев, 2019). При этом оценка проводилась по критериям монотеистических религий, т.е. наличие единого Бога, священной книги, института церкви и духовенства.

Вторая распространенная тенденция – признание организаций «деструктивными сектами» (культами). Такие попытки в основной своей массе касались новых религиозных течений и протестантских организаций, которые в СМИ и в публичных выступлениях политиков преподносились как «нетрадиционные» (Штимак, Асланова, 2021, 122–123). Сегодня дискурс о «нетрадиционных» или «деструктивных» религиях все еще присутствует, но менее интенсивен по сравнению с другими странами региона. Однако сейчас он перешёл в сферу обвинений в экстремистской деятельности.

В качестве примера можно привести дела «Ахмадийской религиозной общины Кыргызстана», которой ГКДР отказал в перерегистрации, ссылаясь на результаты теологической экспертизы. Данная экспертиза, проведенная представителями так называемого «традиционного» мусульманского духовенства, определила организацию как деструктивную «секту». Как следствие, регистрация была отозвана, и в настоящее время организация не имеет права проводить какие-либо публичные религиозные мероприятия, в том числе собираться вместе. Около

девяти лет назад была предпринята попытка признать литературу организации экстремистской (Алишева 2013, 16).

Свидетели Иеговы также сталкиваются с систематическими попытками закрыть организацию или признать литературу экстремистской, что, несомненно, приведет к ликвидации организации. Последний известный случай произошел в ноябре 2021 года, когда Генеральная прокуратура обратилась в суд с требованием признать религиозную литературу Свидетелей Иеговы экстремистской (Corley 2021a). Материалы были переданы в Генеральную прокуратуру Госкомитетом нацбезопасности в 2019 году. Экспертиза пришла к выводу, что материал содержал информацию, «возбуждающую религиозную вражду».

Однако детальное изучение самих экспертиз, проведенных лингвистом и «религиоведом» Государственной судебно-экспертной службы, показывает обилие клише и стереотипов в отношении религиозной организации. Экспертиза не выдерживает критики и с точки зрения требований к качеству экспертизы, установленных Законом о судебно-экспертной деятельности Кыргызской Республики. Кроме того, эксперты вышли за рамки своей компетенции, давая определение правовым терминам, например, используя противоречивые толкования экстремизма из научно-популярной литературы. Вероучение организации оценивается с теологической и апологетической точек зрения. Совершенно отсутствуют ссылки на научную литературу о Свидетелях Иеговы. Более того, значительная часть экспертного заключения является дословной копией печально известных российских исследований, на основании которых организация была запрещена в России (см., например, Corley 2010). К чести судьи, иск прокурора был отклонен (Introvigne 2021; Corley 2021b).

Следует отметить, что при поддержке международных и местных организаций государственные органы предпринимают ряд инициатив по реформированию института судебной экспертизы в стране. Разработаны методические указания, проведены тренинги для государственных служащих, работников

судебной системы и т. д. (Gunger 2021). Однако приведенные выше факты свидетельствуют о низкой эффективности этой работы. Такую подготовку прошли, например, эксперты, давшие заключение по делу Свидетелей Иеговы.

Основная проблема сводится к тому, что в качестве экспертов-религиоведов привлекаются специалисты, далекие от научного религиоведения, рассматривающие религиозные движения с заданных позиций: правильные или неправильные, традиционные или нетрадиционные, деструктивные или созидательные.

Кыргызстан, находящийся в информационном пространстве России, очень органично впитал в себя ее антикультовую риторику, стал рассматривать новые религиозные движения и протестантские организации как угрозу так называемой религиозной или духовной безопасности. Это видение не только широко распространялось через средства массовой информации, в заявлениях политиков и государственных служащих, но и передавалось через учебные пособия в университетах. Неудивительно, что специалисты, выросшие на этих нарративах, наложенных на советское атеистическое понимание религии, видят в каждом «нетрадиционном» религиозном движении угрозу нравственному и духовному наследию страны. Назрела насущная потребность в создании саморегулируемой организации религиоведов, которая аттестовала бы специалистов с учетом их образования, ученых степеней, стажа и опыта работы, научных публикаций и т. д.

Моя личная позиция заключается в том, что данный вид экспертизы – в том виде, в каком он существует сегодня в Кыргызстане – является выдуманным и ненужным. Следователи и судьи должны опираться на фактические доказательства противоправных действий и на тест Рабатского плана действий по запрету пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (Управление Верховный комиссар ООН по правам человека 2012).

Использованная литература

- Айдарбекова Чинара. 2021. “Отчет об исследовании судебной практики по делам, связанным с противодействием терроризму и экстремистской деятельности в Кыргызской Республике”, Бишкек: Верховный суд Кыргызской Республики. Доступ к публикации по состоянию на 20 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3j7WXIq>.
- Алишева Атыркуль. 2013. «Обзор соблюдения свободы вероисповедания в Кыргызской Республике». Бишкек: Общественный фонд «Открытая позиция», 2013. Доступ к публикации по состоянию на 20 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3BT88er>.
- Corley, Felix. 2010. “Russia: City Administration Considered Liquidation of Religious Community ‘Necessary.’” *Forum 18*, December 1. Доступ к публикации по состоянию на 9 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3BPTxk9>.
- Corley, Felix. 2021a. “Kyrgyzstan: Jehovah’s Witness Book Ban in Court, Criminal Case, Secret Police Ban Request.” *Forum 18*, November 30. Доступ к публикации по состоянию на 9 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3PDK6Kd>.
- Corley, Felix. 2021b. “Kyrgyzstan: Literature Ban Rejected: ‘Repression Is Postponed for Now.’” *Forum 18*, December 17. Доступ к публикации по состоянию на 9 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3GgJRSp>.
- Гунгер Виктория. 2021. “В Кыргызстане изменили подход к исследованию материалов по экстремизму”. Вечерний Бишкек, 2 апреля 2021 г. Доступ к публикации по состоянию на 10 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3v3kIUP>.
- Introvigne, Massimo. 2021. “Kyrgyzstan: Jehovah’s Witnesses Books Will Not Be Banned as ‘Extremist.’” *Bitter Winter*, December 3. Доступ к публикации по состоянию на 9 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3I88YYX>.
- Office of the United Nations High Commissioner on Human Rights. 2012. “Rabat Plan of Action on the Prohibition of Advocacy of National, Racial or Religious Hatred That Constitutes Incitement to Discrimination, Hostility or Violence: Conclusions and Recommendations Emanating from the Four Regional Expert Workshops Organized by OHCHR in 2011, and Adopted by Experts at the Meeting in Rabat, Morocco, on 5 October 2012.” Appendix to the “Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Expert Workshops on the Prohibition of Incitement to National, Racial or Religious

- Hatred.” Annex to the “Annual Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights” for the year 2012, published on January 11, 2013, doc. A/HRC/22/17/Add.4. Доступ к публикации по состоянию на 9 декабря 2022 г.: <https://bit.ly/3BQfvMP>.
- Štimac, Zrinka, and Indira Aslanova. 2021. “The Role of Securitization in the Relationship Between State and Religion: The Example of the Kyrgyz Republic.” In *Between Peace and Conflict in the East and the West: Studies on Transformation and Development in the OSCE Region*, edited by Anja Mihr, 117–38. Cham: Springer.
- Zhapparaliev, Sherbol. 2019. “Shamanism in Kyrgyzstan: The Rise of the Kyrgyz Tengrism in the Modern Era.” *Turcology Research* 64:1–22.